

Приложение I

ОТ АУСТЕРЛИЦА ДО БЕРЕЗИНЫ

(Публикуется по: Русская военная сила. Издание второе. Том II. М.: Издание И. Н. Кушнерова и А. Е. Пирогова, 1892. С. 222–241, 273–292. В первом издании (1889) эти главы были размещены в VIII и IX выпусках).

Война с Францией в 1805 году

После неудачного исхода войны 1799 года император Павел I, недовольный образом действий Австрии и Англии, отказался от союза с этими державами. Вслед за тем началось сближение между императором Российским и первым консулом Французской республики, Наполеоном Бонапарте. Готовился уже союз между Россией и Францией против Англии. Сделаны были даже распоряжения для похода русских войск в Индию, с целью ниспровержения владычества англичан в богатейшей из их колоний. Но походу этому не суждено было осуществиться: в марте 1801 года скончался император Павел, а преемник его, Александр Павлович, отказался от планов своего родителя и заключил мир со всеми государствами Европы.

Однако такое мирное направление русской политики продолжалось всего 4 года. Постоянно возраставшее самовластие Наполеона Бонапарта, сделавшегося уже императором Франции, побудило наконец молодого императора Русского взяться за оружие и примкнуть к новой коалиции, составившейся против Наполеона. В состав этой коалиции вошли, кроме России, Австрия, Англия, Швеция и Неаполь.

Русским войскам опять предстояло драться на различных концах европейского континента. Часть их предназначалась для экспедиции к берегам Померании, другая — для высадки в южную Италию; но главная масса наших сил, назначенных для борьбы с Францией, направлена была на соединение с австрийскими войсками, которые должны были действовать в долине Дуная.

Для этой цели сформированы были две армии. Одна из них, силою в 50 000 человек, перешла в августе месяце русско-австрийскую границу и двинулась усиленными переходами к Дунаю. Начальство над этою армией вверено было опытному и осторожному Кутузову. Под его командою находилось также несколько лучших русских генералов того времени: любимец Суворова, смелый и решительный Багратион, Милорадович и Дохтуров. Другая армия, также в 50 000 человек, под начальством Буксгевдена, собиралась у Бреста.

Перед началом войны 1805 года Наполеон готовился произвести высадку на берега Англии и сосредоточил большую часть своих сил на берегах Ла-Манша и Немецкого моря. Австрийцы, рассчитывавшие, что французам потребуется не менее двух месяцев, чтобы появиться у верховьев Дуная, решили, не дождавшись русских, занять находившуюся в союзе с Наполеоном Баварию. 80-тысячная армия их перешла с этою целью пограничную реку Инн, проникла в глубь Баварии и расположилась у крепости Ульм. Главнокомандующим этою армией назначен был эрцгерцог Фердинанд, но в действительности распоряжался всем данный ему в руководители генерал Макк, человек, обладавший громадною самонадеянностью, нисколько не соответствовавшею его скудным природным дарованиям.

Расчеты австрийцев оказались ошибочными. В один месяц 180 000 французов перенеслись, под начальством своего императора, с берегов Ла-Манша и Немецкого моря в долину Верхнего Дуная и, в начале октября, окружили со всех сторон армию Макка под Ульмом. Видя безвыходность положения, в которое он сам же себя поставил, австрийский генерал 8-го октября сдался на капитуляцию со всеми своими войсками. Только эрцгерцогу удалось с несколькими тысячами человек пробиться в Богемию.

Покончив с австрийцами, Наполеон решил разгромить русских, которые с частью австрийских войск в это время подошли к границам Баварии. С этою целью 150 000 человек французских войск направлены были вдоль по правому берегу Дуная к реке Инну, отделявшей баварские владения от австрийских.

Австрийцы полагали, что русский полководец в виду приближения тройных сил неприятеля переправит свои войска на левый берег Дуная, где они были бы в полнейшей безопасности, и откроет главным силам Наполеона прямой и лучший путь к Вене по правому берегу реки. Но Кутузов решил всячески задерживать неприятеля на пути его к столице Австрии, не вдаваясь, однако, в решительный бой. Союзные войска стали отступать по правому берегу Дуная, уничтожая мосты и переправы на всех его притоках, пересекавших путь наступления французов. Отступление союзников прикрывалось арьергардом Багратиона, для поддержки которого, в случае столкновения с значительными силами неприятеля, был назначен особый отряд, под начальством Милорадовича.

Наполеон, перейдя Инн, двинулся вслед за союзниками. Заняв город Линц, он переправил здесь через Дунай корпус Мортье, которому приказано было, следуя левым берегом реки, отрезать Кутузову путь отступления в Моравию.

При дальнейшем наступлении французов русским впервые пришлось померяться с войсками Наполеона. 24-го октября авангард Мюрата атаковал у Амштеттена арьергард Багратиона. Наши стали было подаваться назад, но в это время подоспел к ним на выручку Милорадович, и бой загорелся с новою силой. Русские ударили на неприятеля в штыки по-суворовски; французские гренадеры встретили их тем же. Произошла ожесточенная рукопашная свалка. Русские удержались на своих местах.

Тем временем главные силы Кутузова продолжали отступать. Однако упорное сопротивление наших войск у Амштеттена навело Наполеона на мысль, что Кутузов намерен принять решительный бой впереди Вены. Императору французскому только этого и нужно было: почти с тройными силами мог он ударить на русских с фронта и левого фланга, в то время как Мортье отрезал бы им путь отступления в Моравию. Но Кутузов не дал поймать себя в эту ловушку. Быстро разгадав намерения противника, он со всеми силами переправился на левый берег Дуная у Кремса и затем уничтожил имевшийся здесь мост. Этим он обеспечил себя от нападения с фронта. Но существовал недалеко еще другой мост — у Вены. Чтобы обеспечить русскую армию и с этой стороны, на левом берегу Дуная, у самого моста, расположено было 13 000 австрийцев для защиты его. В крайнем случае им приказано было уничтожить эту переправу.

Но русский полководец не успокоился, поставив свою армию в безопасное положение. Он решил нанести возможный ущерб неприятелю. Удобный случай для этого представлял корпус Мортье, двигавшийся по трудной дороге левого берега Дуная и отделенный от главных сил Наполеона глубокою и широкою рекой. К тому же французский генерал еще сильно растянул свои войска: три дивизии, составлявшие его корпус, следовали на расстоянии целого перехода друг за другом.

Решено было окружить передовую французскую дивизию Газана, припереть ее к Дунаю и уничтожить. Для этой цели сделаны были следующие распоряжения. Милорадович с авангардом русских войск должен был расположиться впереди Кремса и удерживать голову неприятельской колонны с фронта; Дохтурову, с 16-ю батальонами, приказано было двинуться вправо, выйти горными дорогами к Дюрренштейну и атаковать неприятеля с тыла.

30-го октября, в 5 часов утра, Дохтуров приступил к исполнению возложенной на него задачи. Расстояние, которое ему предстояло пройти, не превышало 5 верст, и он рассчитывал к 7 часам утра быть у Дюрренштейна.

В 8-м часу французы атаковали Милорадовича. Мортье ввел в дело всю дивизию Газана и потеснил русских. Кутузов поддержал Милорадовича и остановил дальнейшее наступление неприятеля. Жаркий бой кипел впереди Кремса, а об обходной колонне не было слуху. Наконец, только в 5-м часу пополудни, раздались выстрелы со стороны Дюрренштейна. Дороги, по которым пришлось идти Дохтурову, оказались настолько дурными и неудобными для движения, что на переход около 5 верст потребовалось 12 часов времени.

Появление русских в тылу французов поставило последних в критическое положение. Однако Мортье не растерялся и решил пробиться силою через войска Дохтурова. В это время стала подходить к Дюрренштейну вторая французская дивизия. Дохтуров сам очутился между двух огней и вынужден был пропустить неприятеля. Это обстоятельство спасло остатки дивизии Газана. Но из 6000 человек, состоявших в ней налицо, уцелело только 2000.

Таким образом, попытка Наполеона разбить русских и отрезать им путь к отступлению кончилась полною неудачей. Но он не отказался от своего намерения и решил выполнить его другим путем. Мюрату, с его авангардом и корпусами Сульта и Ланна, приказано было занять Вену, овладеть, во что бы то ни стало,

Движение Кутузова от Кремса к Брюнну

мостом через Дунай, переправиться по нем и, затем, двинуться по дороге на Цнайм, с целью перехватить дорогу в Брюнн. Мюрат, имея в своем распоряжении до 50 000 человек, занял 1 ноября без выстрела Вену, а затем захватил хитростью и переправу. Приблизившись к мосту, он сам смело въехал на него и объявил австрийцам, что между воюющими сторонами заключено перемирие. Пока озадаченные австрийцы стояли в недоумении, французские гренадеры быстро стали переходить на другой берег. Когда же начальник австрийского отряда наконец опомнился, было уже поздно помочь беде, и ему оставалось только отступить. Мюрат двинулся вперед наперерез русской армии.

Вечером того же дня Кутузов узнал об угрожающей ему опасности. Хотя путь, который приходилось сделать неприятелю, был несколько длиннее расстояния от Кремса до Цнайма, но в руках его была прекрасная дорога, тогда как русским предстояло идти по колена в грязи и они легко могли быть предупреждены у Этцельсдорфского перекрестка

Необходимо было спешить. Кутузов выступил в тот же вечер и к утру достиг окрестностей Эберсбрунна. Опасаясь быть предупрежденным неприятелем у Этцельсдорфа, он выслал из Эберсбрунна Багратиона с 7000 человек по проселочной дороге вправо, к Голлабрюнну, для задержания здесь неприятеля, пока главные силы не будут в безопасности. 3-го числа утром Багратион дошел до Голлабрюнна и, не найдя здесь удобной позиции, расположился несколько далее к северу, у Шенграбена.

В этот же день Кутузов достиг Этцельсдорфа и дал здесь отдых своим утомленным войскам. Однако опасность быть перехваченными на дороге к Брюнну еще не миновала для русских; для этого необходимо было достигнуть перекрестка дорог у Погорлица, до которого оставалось 50 верст, то есть два дня марша. Все это время 7000 русских должны были задерживать 50 000 французов у Шенграбена. Такая задача была по плечу только ученику Суворова, Багратиону.

В этом затруднительном положении нашей армии помог отчасти сам Мюрат. Так как не все его войска еще переправились через Дунай, то, чтобы дать им время для этого, он решил употребить против русских хитрость в том же роде, которая дала ему такие блестящие результаты по отношению к австрийцам. Он предложил нашим войскам перемирие, с условием, чтобы в течение его обе стороны оставались на своих местах. Кутузов охотно согласился. Мюрат, разумеется, не выполнил условие, и вой-

ска его продолжали переправляться через Дунай; не выполнил его и Кутузов: его армия выступила из Этцельсдорфа и быстро двинулась по дороге на Погорлиц. Благодаря этому обстоятельству русские выиграли 15 часов времени и хитрость неприятеля обратилась против него самого.

Узнав о поступке Мюрата, Наполеон тотчас же понял, в чем дело; он сделал своему генералу строгий выговор и приказал немедленно атаковать русских с теми силами, которые были у него под рукою.

4-го числа, вечером, Мюрат с 40 000 человек обрушился на 7-тысячный отряд Багратиона. Начало смеркаться. Большие массы неприятеля стали напирать на русских с фронта. Наша артиллерия зажгла селение Шенграбен и стала действовать по неприятелю, освещенному пламенем. Действие ее было настолько удачно, что французы должны были податься назад. Но, пользуясь громадным перевесом в силах, они обошли Багратиона с обоих флангов и одна колонна заняла селение Грунд, в самом тылу его позиций. Чтобы спасти свой отряд, Багратиону оставалось только одно средство: пробить себе грудью дорогу сквозь окружившие его массы неприятеля. В ночной темноте завязалась отчаянная рукопашная схватка у селения Грунд, продолжавшаяся до 11 часов ночи. Несмотря на страшное неравенство сил, русские штыками очистили себе дорогу и отступили, потеряв 2000 человек. Потери неприятеля были также очень велики.

Тем временем Кутузов спокойно продолжал свое движение к Погорлицу. Геройская оборона Багратиона у Шенграбена, спасшая всю нашу армию, еще более увеличила его популярность среди русской армии и народа. Даже скупые на похвалы своим союзникам австрийцы называли отряд его «геройскою дружиною».

6 ноября Багратион подошел к Погорлицу; сюда же подошли 13 000 австрийцев, отступавших от Вены. Вслед затем вся армия Кутузова двинулась к Вишау, где 8-го числа соединилась с армией Буксгевдена. Всего теперь у союзников собралось до 86 000 человек. От Вишау союзники отошли к Ольмюцу.

Наполеон перешел Дунай и расположился у Брюнна, имея здесь не более 60 000 человек. Остальные силы его оставлены были для обеспечения его сообщений в долине Дуная.

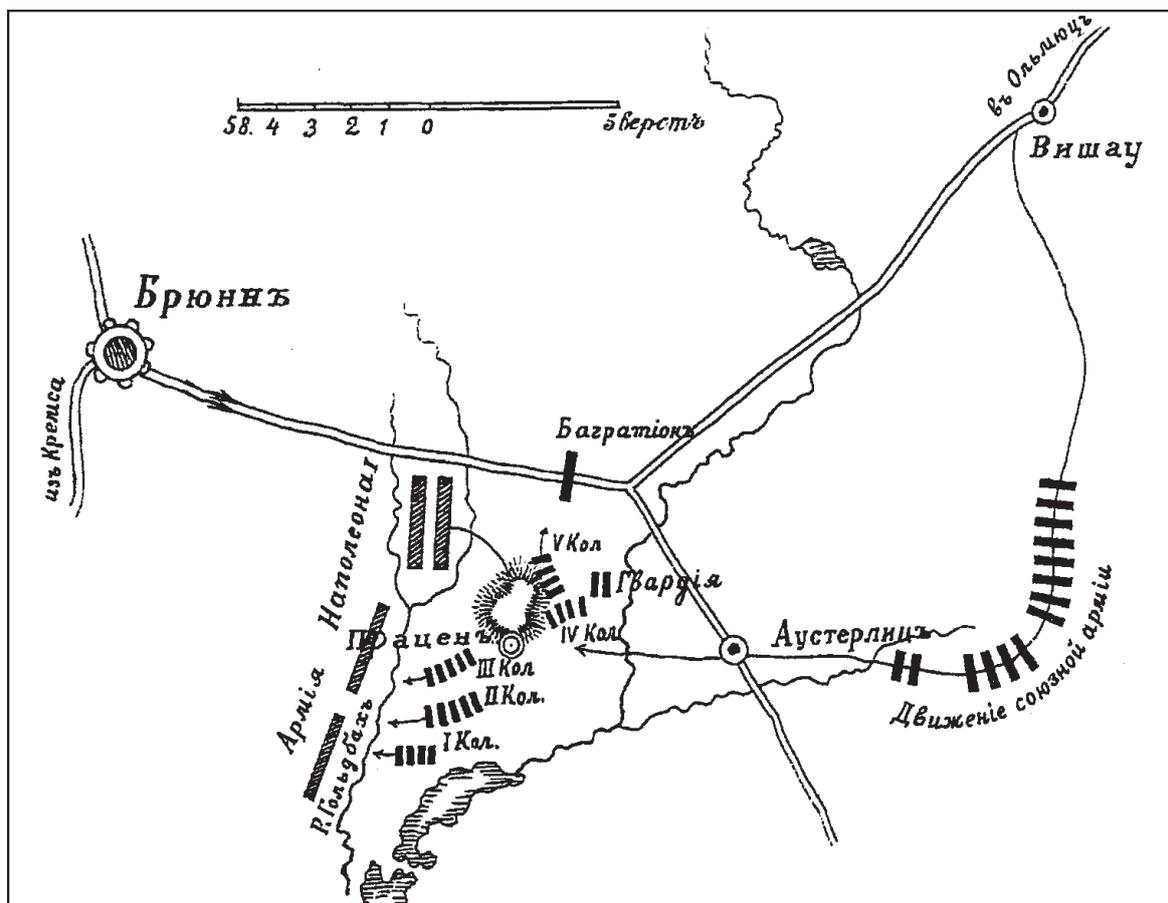
Около этого времени прибыл в Ольмюц, где уже находился император австрийский, и император Александр I, окруженный блестящею свитой. Молодые советники Александра Павловича,

указывая ему на численное превосходство союзников, предлагали двинуться вперед и атаковать неприятеля.

Блестящие подвиги наших войск у Амштеттена, Кремса и Шенграбена вселили в этой молодежи презрение к неприятелю и уверенность в победе. Бездействие Наполеона под Брюнном еще более укрепило это убеждение. Старшие генералы, и во главе их Кутузов, смотрели на дело иначе. По их мнению, гораздо выгоднее было повременить наступлением. В это время Пруссия готовилась объявить войну Наполеону и могла усилить армию союзников 80-тью тысячами человек; из Италии шла австрийская армия, также в 80 000 человек, под начальством эрцгерцога Карла; наконец, значительные подкрепления подходили из России. До сих пор нашим войскам не приходилось еще иметь дело с неприятелем, предводимым лично Наполеоном, а чтобы бороться с таким полководцем, необходимо было заручиться возможно большим перевесом в силах. Но мнение людей неопытных восторжествовало и решено было наступать немедленно, не выжидая подкреплений. С этого времени Кутузов, хотя и назначенный главнокомандующим над всеми войсками, собранными у Ольмюца, предоставил действительное управление армиею молодым советникам императора Александра и австрийским генералам, требовавшим безотлагательного наступления.

Наполеон, со своей стороны, также желал решительного столкновения. Хорошо зная, что происходит в главной квартире союзников, он умышленно показывал вид нерешимости и колебания, с целью еще более утвердить своих противников в их намерении. Однако, чтобы притянуть к себе хотя ближайшие подкрепления, он просил одного дня перемирия. Союзники отказали наотрез и решили действовать немедленно. План их действий выработан был австрийским генералом Вейротером, приобретшим большой вес среди окружавших его лиц благодаря умению говорить много и высокопарно; в действительности же это был человек совершенно бездарный.

16 ноября авангард Багратиона рассеял у Вишау 8 неприятельских эскадронов. Это удачное дело еще более возбудило в союзниках желание решительного боя. В тот же день к Вишау подошли и главные силы их. До Брюнна, впереди которого расположился Наполеон, оставался только один переход по прямой отличной дороге. Но такое удобное и легкое движение казалось многоученому Вейротеру слишком простым, и он придумал другой, более сложный план. Все войска должны были свернуть вле-

Движение союзной армии от Вишау к Аустерлицу

во и следовать кружным путем по дурным проселочным дорогам, с целью поразить неприятеля обходом его правого фланга. Три дня тащилась союзная армия по невылазной грязи, делая от 7 до 12 верст в сутки. Все движения были заметны неприятелю как на ладони. Только 19-го числа союзники добрались до Аустерлица, подарив Наполеону, вместо просимого им одного дня, целых три. Французская армия, тем временем, усилилась до 74 000 человек и заняла позицию впереди Брюнна, за ручьем Гольдбах.

Поле предстоящего сражения представляло холмистую местность, посреди которой, впереди центра неприятельской позиции, у села Працен, находились высоты, командовавшие всею окрестностью. К югу от этих высот находился ряд озер, покрытых тонким льдом и образующих острый угол с течением Гольдбаха. Вечером 19-го числа союзная армия расположилась бивуаком к северу и югу от Працена.

План боя, сочиненный также Вейротером, состоял в следующем: авангард армии, под начальством Багратиона, должен был составить правый фланг и расположиться поперек дороги из Брюнна в Ольмюц с целью удержать левый фланг неприятеля. Остальные войска разделены были на пять колонн. Трем из этих колонн, под начальством Буксгевдена, силою вместе в 38 000 человек, приказано было спуститься с Праценских высот влево, атаковать и обойти правый фланг французов, отбросить всю их армию к северу. Четвертая колонна должна была спуститься против центра неприятеля, а пятая поддерживать связь между четвертою и Багратионом. В резерве за правым флангом поставлена была русская гвардия, под командою цесаревича Константина Павловича.

В 7 часов утра 20 ноября союзники очистили Праценские высоты и потянулись влево. Скоро жаркий бой закипел внизу, в долине Гольдбаха, на правом фланге французов. Только войска четвертой колонны продолжали оставаться позади Працена, удержанные здесь Кутузовым, оценившим важное значение высот у этого селения. Однако, получив категорическое приказание императора Александра, Кутузов вынужден был двинуть вперед и эту колонну. Но как только авангард достиг Працена, на него неожиданно бросились массы неприятеля и отбросили его назад.

Наполеон все время зорко следил за движениями союзников. Как только они очистили высоты у Працена, две французские колонны быстро взобрались на них. Эти-то войска и разбили авангард нашей четвертой колонны. С потерю Праценских высот

боевое расположение союзников было разрезано пополам. Тут только они стали сознавать свою ошибку; но было уже поздно: неприятель все усиливался на высотах. Тщетно водил Милорадович наши полки в атаку, для обратного занятия их. Все попытки его были отбиты с большими потерями, причем был ранен в щеку сам Кутузов. Тщетны были также блестящие подвиги нашей гвардии. Уланский полк цесаревича опрокинул три линии неприятельской кавалерии и бросился на французскую батарею, но должен был уступить численному перевесу врага. Блестящая атака произведена была также конногвардейским полком, овладевшим при этом неприятельским орлом, а также кавалергардами, потерявшими командира полка и множество людей.

Все эти атаки не имели уже никакого влияния на исход сражения и только могли облегчить нашему центру отступление к Аустерлицу. Вслед за центром и Багратион, атакованный с фронта и левого фланга, отошел туда же.

Между тем, на левом фланге еще шел отчаянный бой. Однако, вскоре и войска Буксгевдена, окруженные со всех сторон многочисленным неприятелем, вынуждены были очистить поле сражения. Положение этих войск было крайне бедственное. Для отступления им оставался один только путь по узкой плотине между двумя озерами. Здесь столпились десятки тысяч людей с многочисленной артиллерией и обозами. Неприятель теснил отовсюду. На высотах у Працена французы выставили сильную артиллерию, которая усиленно била ядрами в плотные толпы союзников. Многие бросились бежать по озерам, но тонкий лед подломился под ними; люди и лошади гибли массами. Только небольшой части левого крыла удалось спастись.

Так кончилось знаменитое Аустерлицкое сражение. Разгром союзников был полный. Русские потеряли 21 000 человек, 130 орудий и 30 знамен¹. Этим кровавым актом завершилась кампания 1805 года. Австрия вскоре заключила с Наполеоном отдельный мир; Россия же продолжала борьбу и на следующий год, но в союзе уже с другим из своих соседей — Пруссией.

Война с Францией в 1806–1807 годах

Как сказано было в предыдущей главе, Пруссия перед Аустерлицким сражением готовилась объявить войну Наполеону, но союзники, не дождавшись окончательного решения с ее сторо-

ны, вступили в решительный бой и понесли полное поражение. Последствием Аустерлицкого погрома было то, что Пруссия отказалась от союза с Россией и Австрией и сблизилась с Францией. Но вскоре пренебрежение, которое оказывал Наполеон к пруссакам, и неисполнение принятых им на себя обязательств возбудили против него сильное негодование среди прусского народа. Уступая громкому требованию общественного мнения, король Фридрих-Вильгельм, заручившись союзом России, в следующем же (1806-м) году объявил войну Наполеону.

Русская армия, назначенная в помощь Пруссии, состояла из двух корпусов: один в 60 000 человек находился под командою генерала Беннигсена; другим, силою в 40 000 человек, командовал граф Буксгевден. Главнокомандующим назначен был престарелый фельдмаршал граф Каменский 1-й. Вообще же, высшее управление армией заставляло желать лучшего. Дело в том, что оба корпусные командира постоянно враждовали друг с другом; а болезненный старик Каменский не обладал достаточною энергией, чтобы согласовать деятельность своих ближайших подчиненных, и своею нерешительностью и постоянною переменою планов и распоряжений вносил еще большую путаницу в ход военных действий.

Перейдя границу России, у Гродно, корпус Беннигсена 1 ноября 1806 года сосредоточился у Остроленки; за ним следовал Буксгевден. Но прежде чем русские успели соединиться с пруссаками, последние повторили ошибку, сделанную в предыдущем году австрийцами. Они неосторожно выдвинулись далеко вперед и расположились на северной стороне Тюрингервальда. Наполеон, возвращавшийся в это время из Австрии, атаковал превосходными силами пруссаков и в двух сражениях, при Йене и Ауэрштедте, в один и тот же день, 2 октября, разбил и рассеял всю их армию; а через месяц вся монархия Фридриха Великого, за исключением лишь восточной ее части, с городами Данцигом и Кенигсбергом, занята была французами.

Таким образом русским, как и в 1805 году, пришлось нести на себе всю тяжесть войны; они могли рассчитывать только на 14 000 прусских войск, расположенных, под начальством генерала Лестока, в восточной Пруссии и потому только уцелевших от погрома. Покончив с пруссаками, Наполеон обратился против русских. С армиею в 160 000 человек он двинулся к Висле и в половине ноября завладел переправами через эту реку в Торне и Варшаве; у этого последнего пункта он сосредоточил большую часть своих сил.

Беннигсен, прибыв в Остроленку и не ожидая распоряжений главнокомандующего, выдвинулся со своим корпусом вперед, к Пултуску, и для обеспечения своего расположения выставил авангарды на реках Вкре и Нареве.

22 ноября прибыл в Остроленку Буксгевден со своим корпусом, а 7 декабря приехал в Пултуск сам главнокомандующий. Он тотчас же приказал Беннигсену выступить из Пултуска со всем корпусом его прямо к реке Вкре; затем одной половине корпуса Буксгевдена приказано было двинуться туда же, но только несколько правее, через Голымин; а другая половина направлена была в угол между Бугом и Наревом, для обеспечения левого фланга армии.

Наполеон, по овладении переправами через Вислу, составил следующий план действий. Корпус Ланна должен был переправиться через Вкру у ее устья, двинуться вверх по правому берегу Нарева к Пултуску и, овладев здесь переправой через эту последнюю реку, лишить русских пути отступления. В то же время главные силы направлены были далее к северу, с целью обойти правый фланг русской армии и припереть ее к Нареву.

Однако, при исполнении своего плана, Наполеон наткнулся на неожиданные препятствия. Незначительные авангарды наши оказали самое упорное сопротивление; несколько русских батальонов удерживали в течение целого дня 11 декабря целые неприятельские корпуса. Тем временем, Каменский, получив сведения о действиях неприятеля, приказал всем войскам, направленным к Вкре, вернуться к Пултуску, где он решил принять бой. Но через несколько часов русский главнокомандующий отказался от этого решения: он приказал обоим своим корпусам отступить к границам России, а сам уехал в Остроленку.

Постоянное колебание Каменского имело последствием страшную путаницу во всех передвижениях русской армии. Насколько велика была эта путаница, можно заключить из того, что она сбита с толку самого Наполеона; предполагая, что русские собираются у Голымина, он направил туда главную массу своих сил, тогда как большая часть наших войск вернулась опять к Пултуску. К этому последнему пункту продолжал наступать только один корпус Ланна.

По отъезде главнокомандующего, Беннигсен решил действовать на свой страх и принять бой у Пултуска. Утром 14 декабря войска его, в числе 45 000 человек, расположились впереди этого города, упираясь в него левым флангом. Пехота стала в две

линии; впереди ее развернулись 6 полков регулярной кавалерии, а еще далее впереди рассыпались казаки.

Подойдя к Пултуску, Ланн, имевший всего 20 000 человек, но рассчитывавший на близкую помощь со стороны главных сил Наполеона, решил атаковать русских. Атака поведена была им на оба наши фланга, сразу, и была отбита на том и другом. Получив к вечеру значительные подкрепления, Ланн повторил свои атаки, опять на оба фланга русских. При таком образе действий в середине боевого расположения французов образовался значительный промежуток. Этим обстоятельством воспользовался Беннигсен и направил сюда 20 эскадронов кавалерии. Наша конница атаковала с флангов обе половины неприятельского корпуса и принудила его к отступлению. Бой окончился в 8 часов вечера в совершенной темноте. Наши потери простирались до 3500 человек, французы потеряли, по их собственным показаниям, 2200 человек, по нашим же официальным данным — от 7000 до 10 000.

В тот же день произошло славное для наших войск дело у Голымина. Здесь собрались, под командою князя Голицына, остатки разных дивизий, сбившиеся с пути, вследствие беспорядочных распоряжений Каменского. Сюда же, как мы видели, направлены были главные силы Наполеона. Имея в своих руках сборный отряд из различных частей, князь Голицын с утра до вечера держался против трех неприятельских корпусов и отступил в порядке лишь с наступлением темноты.

Несмотря на удачный исход боя при Пултуске, Беннигсен, ввиду громадных сил неприятеля, обходивших его со стороны Голымина, отступил к Остроленке по левому берегу Нарева. Буксгевден, который во время Пултусского и Голыминского боев стоял у Макова, в расстоянии 15 верст от Беннигсена и Голицына и при этом не помог ни тому, ни другому, отступил по правому берегу.

Отступившие по обоим берегам Нарева корпуса наши, вследствие разногласия между их командирами, действовали без всякой связи, каждый сам по себе. Наполеон не преследовал их и расположил свою армию вокруг Варшавы и на нижней Висле на зимние квартиры. Только благодаря этому обстоятельству господствовавшее в нашей армии безначалие не имело для нее гибельных последствий. Наконец, Беннигсен и Буксгевден решили действовать сообща. Положено было двинуться к Бяле, чтобы прикрыть восточную Пруссию и не дать неприятелю воспользоваться ее средствами. 28 декабря оба наши корпуса соединились в Тыкочине и через два дня выступили к Бяле.

В это время произошла важная и полезная перемена в управлении армиею. Успех наших войск под Пултуском принес свои плоды для Беннигсена: 31 декабря получен был Высочайший указ о назначении его главнокомандующим; Буксгевден был назначен губернатором в Ригу. Таким образом, устранено было вредное для нашей армии двоевластие.

Прибыв в Бялу и вступив в командование армиею, Беннигсен, имевший под рукою 75 000 человек, решил, не ограничиваясь прикрытием восточной Пруссии, атаковать левофланговые неприятельские корпуса Нея и Бернадотта, значительно удаленные от главных сил Наполеона и разбросанные между Гутштадтом и Эльбингом. Затем он предполагал утвердиться на нижней Висле, между Грауденцом и Данцигом, и, угрожая отсюда сообщениям Наполеона, принудить его к отступлению от Варшавы.

9 января 1807 года Беннигсен прибыл в Бишофштейн; но вместо того, чтобы продолжать наступление против Нея, который находился не далее 35–40 верст, он простоял в бездействии два дня, чем дал возможность французскому корпусу избежать угрожавшей ему опасности. Точно так же упущен был удобный случай разбить корпус Бернадотта. 14-го числа авангард русской армии, под командою генерала Маркова, атакован был, у Морунгена, превосходными силами Бернадотта с фронта и флангов. Положение наших войск было крайне затруднительное, и только неожиданное появление 9 русских эскадронов в тылу неприятеля дало возможность Маркову отступить беспрепятственно.

Беннигсен, находившийся в этот день у Либштадта и имевший возможность отрезать Бернадотту путь отступления, не решился, ввиду распространившихся слухов о наступлении самого Наполеона, двинуться вперед. Бернадотт же воспользовался этим и отошел на соединение с главными силами Наполеона.

Упустив удобный случай разбить отдельно расположенные неприятельские корпуса, Беннигсен отказался от дальнейшего наступления и решился ограничиться прикрытием западной границы России и Кенигсберга, где в это время находилась резиденция короля прусского.

Наполеон же, не знавший, что Беннигсен прекратил свое наступление, послал Бернадотту приказание завлекать русских как можно далее по направлению к нижней Висле. Сам же он, с главными силами, которые должны были собраться у Алленштейна, решил отрезать нашу армию от границ России и прижать ее к морю. Но офицер, посланный с этим приказанием к Бернадотту,

был перехвачен нашими гусарами. Узнав из перехваченного приказа об угрожавшей ему опасности, Беннигсен собрал свои сильно разбросанные войска, за исключением отряда Лестока, на позиции у Ялкова. Но когда неприятель, в превосходных силах, стал обходить эту позицию с левого фланга, он отошел сначала к Ландсбергу, а затем к Прейсиш-Эйлау, где и решил дать отпор Наполеону.

Аррьергард нашей армии под начальством Багратиона занял самый город Эйлау. Главные же силы заняли позицию на холмах к востоку от него. Пехота стала в две линии; часть ее расположилась в резерве. Перед фронтом развернулась артиллерия, в числе 170 орудий, составивших 3 батареи, из которых одна, в центре, имела 70 пушек; кроме того, 60 конных орудий стали в резерве. Кавалерия расположилась частью по флангам, частью в резерве. Всего у Беннигсена было здесь около 60 000 человек; сверх того он рассчитывал на прибытие прусского корпуса Лестока.

26 января Наполеон с корпусами Сульта, Ожеро, гвардией и кавалерией Мюрата подошел к Эйлау. На следующий день он ожидал еще прибытия корпуса Даву, который шел из Бартенштейна и должен был появиться на левом фланге русской армии. Всего у него должно было собраться до 70 000 человек.

Овладев 26 числа городом Эйлау, Наполеон утром 27 числа повел атаку на нашу главную позицию. Сульт действовал против правого фланга русских, а Ожеро приказано было двинуться вправо, примкнуть к Даву, который был уже недалеко, и вместе с ним обойти и атаковать наш левый фланг. Но как только Ожеро тронулся с места, поднялась страшная метель, и корпус его, сбившись с дороги, вышел как раз против 70-пушечной батареи в нашем центре. В эту минуту погода вдруг просветлела; 70 русских орудий открыли губительный картечный огонь по неприятелю, а несколько пехотных полков ударили на него в штыки. Через полчаса корпус Ожеро почти не существовал.

Однако скоро подошла дивизия Даву и французы потеснили наш левый фланг; они уже зашли в тыл нашей позиции и захватили путь отступления армии Беннигсена к границам России. Но тут на выручку войскам нашего левого фланга прискакали 36 конных орудий под командою графа Кутайсова: открыв по неприятелю сильный картечный огонь, они приостановили дальнейшее наступление его. В это же время подошел к полю битвы и Лесток с 5500 человек прусских войск. Беннигсен направил его

к угрожаемому пункту. Пруссаки вместе с русскими ударили на Даву, прогнали его и заняли снова почти все, что было потеряно нами в течение боя. Наступившая темнота прекратила сражение, в котором ни одна сторона не имела права приписать себе победу. Но потери с обеих сторон были громадны: мы лишились до 26 000 человек, французы до 25 000 человек.

Несмотря на нерешительный исход сражения при Прейсиш-Эйлау, Беннигсен решил, ввиду страшных потерь, понесенных нашей армией, отступить к Кенигсбергу. Наполеон же, простояв 9 дней на поле битвы, чтобы показать, будто он выиграл сражение, отступил за речку Пассаргу. Узнав об отступлении неприятеля, Беннигсен двинулся от Кенигсберга вслед за ним и, в конце февраля, расположил свою армию вокруг Бартенштейна. Вслед за тем, с обеих сторон, наступил перерыв в действиях, вызванный недостатком продовольствия и крайним утомлением войск. Бездействие это продолжалось до мая месяца.

В мае Беннигсен, силы которого возросли до 125 000 человек, намеревался атаковать и уничтожить корпус Нея, который довольно неосторожно отделился слишком далеко вперед от остальной армии Наполеона. Но намерение это не привело ни к чему, подобно тому как и действие против Нея и Бернадотта в начале года. В конце концов большая часть нашей армии собралась на укрепленной позиции у Гутштадта.

Наполеон, с своей стороны, доведя свои силы до 200 000 человек, также перешел скоро в наступление, с целью, обойдя правый фланг нашей армии, отрезать ее от Кенигсберга. С началом наступления Наполеона, Беннигсен очистил позицию у Гутштадта и отошел к Гейльсбергу, где и решил встретить неприятеля. Решение это привело 29 мая к сражению, в котором русские отразили все атаки французов, но, вследствие болезненного состояния своего главнокомандующего, не воспользовались своим успехом, несмотря даже на численный перевес с нашей стороны: у нас было 70 000 человек против 50 000 неприятеля. Таким образом, сражение при Гейльсберге не имело решительных последствий; но потери с обеих сторон были очень значительны: с нашей стороны убыло 8000 человек, у французов 12 000.

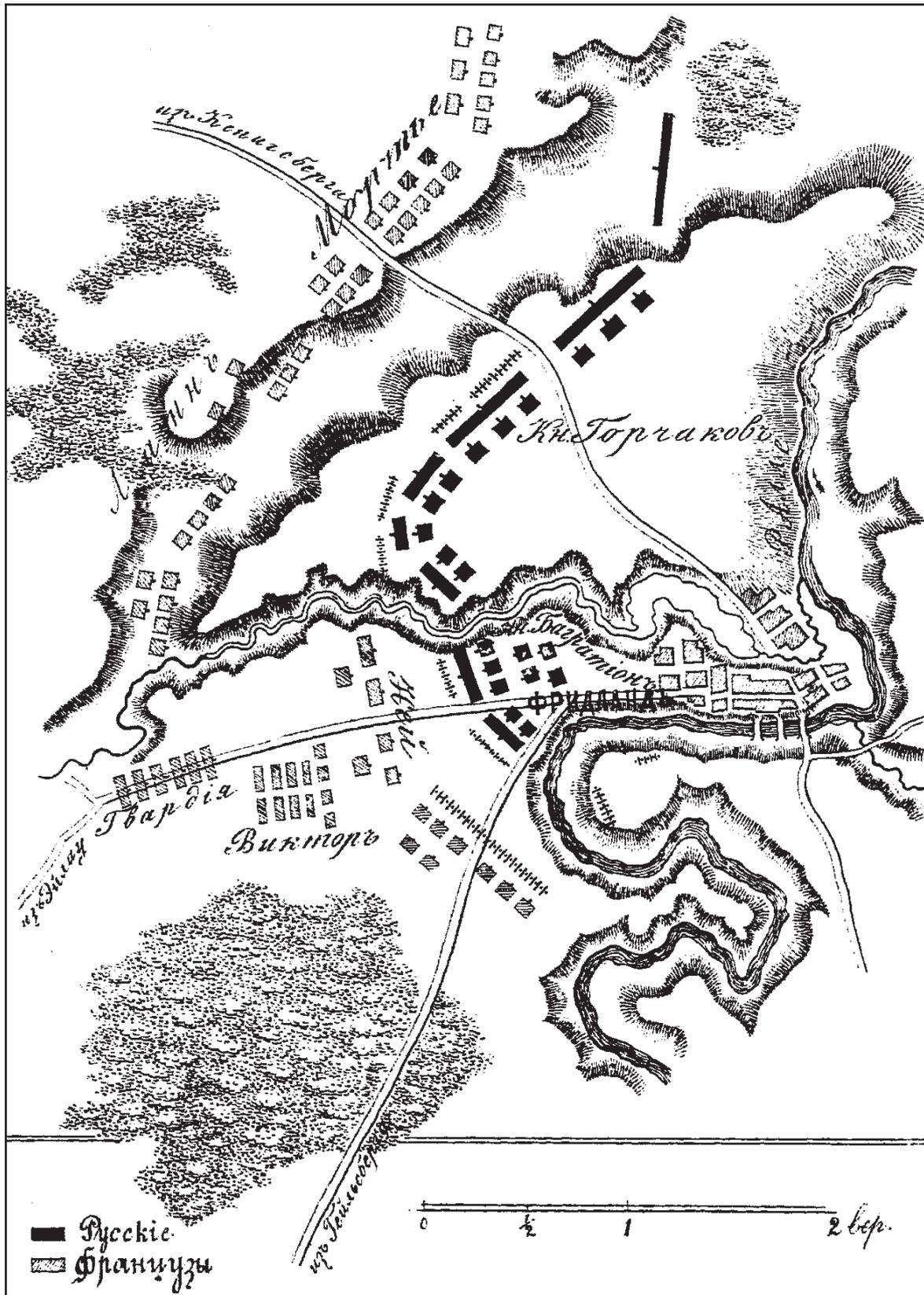
На другой день после Гейльсбергского сражения к Наполеону подошла большая часть его армии. Тем не менее, он не захотел уже снова атаковать русских, а двинул часть своих войск по дороге на Ландсберг, чтобы угрозою отрезать нашу армию от Кенигсберга и заставить ее очистить занятую позицию.

Мера эта имела успех. Беннигсен перешел опять через реку Алле и двинулся правым берегом этой реки к Велау, с целью, заняв здесь удобную позицию, прикрыть одновременно и Кенигсберг, и границы России. Во время этого движения князь Голицын, следовавший впереди армии с двумя кавалерийскими полками, подойдя 1 июня к Фридланду, заметил неприятельский отряд, собиравшийся разобрать мост через Алле. Голицын тотчас же атаковал неприятеля и овладел переправою. От захваченных им пленных французов получено было известие, что главные силы Наполеона идут к Кенигсбергу, и только один корпус Ланна приближается к Фридланду. На основании этого известия, которое, как мы увидим далее, было совершенно ложно, Беннигсен решил переправиться через Алле со всеми силами и разбить Ланна, прежде чем он успеет получить помощь от Наполеона. Последствием этого решения было сражение при Фридланде, составляющее последний кровавый акт войны 1807 года.

В ночь на 2 июня русская армия начала переправляться через Алле, и к 3 часам утра почти вся она находилась на левом берегу реки. Местность, на которой расположились наши войска, представляет совершенно открытую площадку в излучине Алле, полого спускающуюся к городу Фридланду и реке. Поперек ее течет в глубоком овраге ручей Мюленфлис, который делил нашу позицию на два неравных участка: довольно просторный к северу от него и весьма тесный к югу. Войска северного участка, составившие правый фланг нашего расположения, находились под командою князя Горчакова; войсками южного участка, или левого фланга, командовал князь Багратион. Общая численность этих войск простиралась до 46 000 человек, Для сообщения между обоими флангами устроено было через Мюленфлис четыре моста; для сообщения же с правым берегом Алле имелось три моста, только у самого города.

Впереди нашей позиции, к югу и западу от нее, находились леса, скрывавшие все передвижение неприятеля, тогда как наши войска видны были французам как на ладони.

В то время, как Беннигсен имел впереди Фридланда 46 000 человек, у неприятеля здесь находились только войска части корпуса Ланна, числом в 12 000 человек. Но Ланн искусно воспользовался закрытою местностью впереди нашей позиции. Расположив густые стрелковые цепи по опушкам лесов и в высокой ржи на полях и развернув всю свою артиллерию, он растянул свои незначительные силы на 5 верст, чем ввел в заблуждение Бен-

Сражение при Фридланде

нигсена, который, увидев неприятеля, развернувшегося на таком значительном протяжении, счел его гораздо сильнее, чем он был в действительности, и не решился перейти в наступление. Таким образом, в начале боя, действия с обеих сторон ограничились сильною канонадою.

Между тем, как сказано было выше, сведения, полученные князем Голицыным от пленных французов, были неверны. Кроме корпуса Ланна, к Фридланду шли корпуса Мортье, Нея, Виктора, гвардия и масса кавалерии, всего до 85 000 человек. Все эти войска постепенно подходили к Ланну, и в полдень, когда на поле сражения прибыл сам Наполеон, силы неприятеля уже сравнялись с нашими. В 4 часа пополудни подошли и остальные его части. Тогда Наполеон, обладая уже двойным перевесом в силах, решил перейти в наступление. Главный удар он направил на наш левый фланг, с целью, опрокинув его, овладеть Фридландом и мостами через Алле. Сюда направлен был корпус Нея; за ним поставлены были в резерве Виктор и гвардия. Против нашего правого фланга действовали Ланн и Мортье.

Несмотря на геройское сопротивление Багратиона, неприятель оттеснил его в узкий промежуток между Мюленфлисом и Алле. Но тут наша артиллерия, особенно часть ее, оставленная на правом берегу, открыла такой сильный огонь по неприятелю, что почти весь корпус Нея обратился в бегство. В помощь Нею Наполеон двинул Виктора и гвардию. Артиллерия корпуса Виктора заставила сначала замолчать наши орудия, а потом открыла губительный огонь по войскам Багратиона, столпившимся густыми массами на чрезвычайно тесном участке. Вслед за тем превосходные силы неприятеля ударили на наш левый фланг. Тщетно наши полки проявляли чудеса храбрости. Сопротивление было невозможно, и Багратион с трудом переправился по мостам у Фридланда, который вслед за ним занят был неприятелем.

В это время на нашем правом фланге шел еще упорный бой. Но скоро и здесь наши войска должны были уступить перевесу сил на стороне неприятеля, особенно когда артиллерия корпуса Виктора, покончив с нашим левым флангом, открыла по ним продольный огонь с правого берега Мюленфлиса. Горчаков бросился к Фридланду, чтобы добраться до мостов. Пробившись сквозь плотные массы неприятеля, он овладел городом. Но мосты оказались уже уничтоженными. Положение наших войск было безвыходное. Многие бросились в реку, чтобы не попасть в

руки неприятеля и спастись вплавь. Множество людей погибло в волнах Алле. Наконец, найдено было несколько бродов, и остатки правого фланга нашего перебравшись на другой берег.

Таким образом Беннигсен потерпел полное поражение. Мы потеряли 15 000 человек и 10–16 орудий. Урон неприятеля простирался до 12 000 человек.

После Фридландского погрома наша армия отступила к Неману и переправилась через него у Тильзита 6 июня; французы заняли всю Пруссию до Немана. 27 июня заключен был в Тильзите мир между Россией и Францией.

* * *

Согласно одному из условий Тильзитского мира, Россия, между прочим, обязалась запретить свои гавани залятому врагу Наполеона — Англии, пригласить свою соседку Швецию сделать то же самое и, в случае отказа, принудить ее к тому силою. Король шведский Густав IV, ненавидевший Наполеона и враждебно относившийся к России, не согласился на сделанное ему предложение, последствием чего был наш разрыв со Швецией.

Театром войны сделалась шведская часть Финляндии. 20 000 человек неприятельских войск под командою генерала Клингспора разбросаны были по всей стране. Русский корпус, назначенный для действий против шведов, состоял из 24 000 человек, под командою графа Буксгевдена.

9 февраля 1808 года войска наши перешли границу и вскоре заняли без выстрела город Гельсингфорс. В половине апреля русские занимали уже большую часть Финляндии и блокировали крепость Свеаборг. Но скоро дела приняли другой оборот. В то время как главные силы наши сосредоточены были на юге страны, в северной ее части находились лишь весьма слабые силы; шведы, собрав около Улеборга свыше 10 000 человек, потеснили наши войска и заставили их отойти до Тавастгуса. Неудачи наши, впрочем, вознаградились скоро сдачею неприступной крепости Свеаборга, гарнизон которой положил оружие 26 апреля. Трофеи наши состояли из 6000 человек пленных и 2000 орудий².

В течение всего лета 1808 года война велась с переменным успехом; но после решительной победы, одержанной нашими войсками 2 сентября при Оравайсе, неприятель снова отступил к Улеборгу. В начале ноября шведы, сильно терпевшие от бо-

лезней и недостатка продовольствия, заключили в Олькиоки конвенцию, по которой они обязались очистить Улеаборг и отойти за реку Кеми.

Вся Финляндия находилась уже в наших руках, но Густав IV продолжал упорствовать. Тогда решено было внести войну в пределы самой Швеции. В начале марта 1809 года Багратион с 15 000 человек перешел по льду на Аландские острова и занял их. Авангард его корпуса под начальством Кульнева двинулся далее и появился на шведском берегу, в 100 верстах от Стокгольма. В то же время Барклай-де-Толли, с 3500 человек, совершил крайне опасный переход по льду через пролив Кваркен, из Вазы в Умео. Третий русский отряд графа Шувалова перешел границу Швеции у Торнео и принудил семитысячный отряд шведско-финских войск сдаться на капитуляцию у Каликса.

1 марта в Стокгольме совершился государственный переворот: Густав IV был свергнут с престола. Новое правительство, с регентом Карлом Зюдерманландским во главе, продолжало еще некоторое время военные действия, во время которых наиболее замечательны были победы русских войск под начальством Каменского при Сефваре и Ратане. Наконец, 9 сентября 1809 года, заключен был в Фридрихсгаме мир, по которому вся Финляндия до реки Торнео отошла к России.

Одновременно с войной на западе против Франции, а затем на севере против Швеции, России пришлось вести упорную борьбу и на юге с Турцией. Еще в 1806 году Порта, подстрекаемая Наполеоном, объявила нам войну³. В том же году наши войска, под начальством генерала Михельсона, заняли Молдавию и Валахию. Следующие два года и половина 1809 года прошли в нерешительных действиях и переговорах. Летом 1809 года русские под начальством Багратиона перешли Дунай у Галаца, заняли большую часть Добруджи и одержали блестящую победу при Рассевате. Затем русские обложили Силистрию. Визирь двинулся на ее освобождение, но в бою при Татарнице был задержан Багратионом. Несмотря на это, силы турок, недостаток продовольствия и сильное развитие осенью болезненности в войсках вынудили Багратиона вернуться в конце года на левый берег Дуная.

В следующем 1810 году наши войска сражались под начальством другого героя Финляндской войны, Каменского 2-го. Новый главнокомандующий переправился через Дунай у Гирсова; действия наших войск вначале были удачны. В конце мая мы взяли штурмом Базарджик, а затем овладели одною из сильней-

ших турецких крепостей, Силистрией. Но попытка овладеть Шумлою была отбита. Неудачен был также штурм Рущука, во время которого мы потеряли свыше 8000 человек. Неудачи эти вознаграждены были победою при Батине, где взято было в плен 5000 турок. Глубокою осенью русские вернулись обратно за Дунай. Действия этого года стоили нам 36 000 человек, но нисколько не подвинули вперед дела: неприятель не желал покориться.

Между тем необходимо было понудить турок к миру. Отношения наши с Францией сильно ухудшились, и можно было ожидать скорого разрыва. Задача сломить сопротивление врага возложена была на Кутузова. С 46 000 человек ему предстояло победить неприятеля, силы которого простирались до 75 000 человек.

В июне месяце 1811 года верховный визирь, с 60-тысячною армией напал около Рущука на 18 000 русских, находившихся под командою Кутузова, но был отбит с большим уроном. Несмотря на то, турки, в конце августа, стали переправляться на левый берег Дуная выше Журжи. Русский отряд атаковал передовые части неприятеля, но потерпел неудачу. Вслед за тем верховный визирь перевел через Дунай большую часть своей армии. Часть ее осталась на правом берегу в огромном богатом лагере. Тогда Кутузов придумал план для полного уничтожения неприятеля. Окружив переправившуюся часть неприятельской армии со всех сторон окопами, он, в конце сентября, послал за Дунай корпус генерала Маркова для овладения неприятельским лагерем на правом берегу. Марков незаметно подошел к турецкому лагерю, атаковал его врасплох и овладел им. Богатая добыча досталась победителям. Вслед за тем, Марков выставил сильную артиллерию и стал громить главные силы неприятеля с правого берега. Положение турок было безвыходное. Окруженные со всех сторон, лишенные подвоза продовольствия, изнуренные голодом и болезнями, они 25 ноября положили оружие. Этот решительный удар сломил наконец упорство турецкого правительства. В начале 1812 года заключен был в Бухаресте мир, по которому Россия приобрела Бессарабию. Границею сделалась река Прут. И пора было окончить войну на юге, так как, в том же году, России пришлось выдержать отчаянную борьбу почти со всеми народами Западной Европы, потребовавшую крайнего напряжения всех ее сил.

Отечественная война 1812 года. От Немана до Москвы

Непрочен был мир, заключенный нами в 1807 году с Францией в Тильзите. Не довольствуясь страшно обременительным обязательством, принятым на себя Россией — не пускать в свои гавани английские корабли, Наполеон требовал большего. Ему хотелось, чтобы вход в русские гавани воспрещен был и судам под нейтральным флагом. Такая мера должна была окончательно убить нашу торговлю, и потому император Александр I не мог на нее согласиться.

Этот отказ привел к быстрому охлаждению между Россией и Францией, которое, мало-помалу, перешло в чувство вражды. Развитию такого враждебного чувства особенно способствовал образ действий Наполеона. Увеличение территории основанного им герцогства Варшавского указывало на его намерение восстановить прежнюю Польшу, исконного врага России. Тяжелое впечатление произвел также захват владений герцога Ольденбургского, дяди русского императора.

Причины эти, в связи со многими другими, окончательно обострили отношения между двумя союзными дворами.

Еще с 1810 года Россия и Франция стали готовиться к решительной борьбе. Приготовления приняли еще более значительные размеры в следующем году, и, наконец, в начале 1812 года столкновение сделалось очевидно неизбежным.

Силы, которыми располагал Наполеон для вторжения в Россию, простирались весной 1812 года до 600 000 человек. Этой страшной массе, получившей название «Великой армии», мы могли противопоставить только 200 000 человек, расположенных на западной границе империи. Хотя сверх того, по заключению мира с Турцией, из Дунайских княжеств спешила еще армия в 50 000 человек — но эти силы были еще так далеко, что на них не скоро можно было рассчитывать.

Но если мы уступали неприятелю в числе, зато не уступали ему нравственною силой нашей армии, крепкой единством религиозного и племенного состава своих солдат, готовых беспрекословно положить живот свой за Веру, Царя и Отечество. В состав же армии Наполеона, кроме французов, входили представители почти всех западноевропейских наций, движимые только страхом перед своим повелителем.

Ввиду неизбежности столкновения, у нас уже заблаговременно составлен был план действий. К сожалению, план войны, не-

смотря на горький опыт кампании 1805 года, когда измышления ученых немецких военных людей привели к Аустерлицкому погрому, и на этот раз сочинен был немецким же ученым, генералом Пфулем.

Пфуль, бывший офицер прусского Генерального штаба, пользовавшийся большим уважением со стороны Александра I, предложил вести войну двумя армиями, из которых одна должна была задерживать наступление французов с фронта, а другая действовать на их сообщения. Из дальнейшего изложения мы увидим, в какое критическое положение поставлены были наши армии подобным разделением.

В силу плана, предложенного Пфулем, все наши войска разделены были на две армии. Одна, под названием 1-й западной армии, расположилась вдоль границы между Россиенами и Лидой, имея главную квартиру в Вильне. В рядах этой армии считалось 120 000 человек. Главнокомандующим ею назначен был военный министр Барклай-де-Толли.

Другая армия, названная 2-ю западной армией, в 80 000 человек, под начальством знаменитого ученика Суворова и любимца русского народа князя Багратиона, расположилась в окрестностях Волковыска. Впрочем, половина этой армии направлена была вскоре на юг для защиты Волыни и составила здесь третью армию.

12 июня 1812 года грянул, наконец, гром над Русскою землею. Полчища Наполеона стали переправляться через пограничную реку Неман и вступили в пределы России. 16 июня неприятель занял Вильну. Наша 1-я армия отступила по направлению к Дриссе на Западной Двине, где устроен был для нее заблаговременно укрепленный лагерь.

Наполеон решил воспользоваться ошибочным разделением наших сил; он надеялся разобщить еще более обе наши армии и затем настигнуть и разбить их отдельно, одну за другой.

С этою целью он сам с главными силами своей армии в числе 200 000 человек двинулся против нашей 1-й армии; 80 000 человек направлено было против Багратиона, и, наконец, еще 80 000, под начальством Даву, стали наступать в разрез между обеими нашими армиями.

26 июня наша 1-я армия собралась у Дриссы. Здесь решено было отказаться от плана Пфуля и исправить ошибку, сделанную нами с самого начала кампании, т. е. соединить наши разрозненные силы. С этою целью армия Барклая выступила из

Дрисского укрепленного лагеря и двинулась вверх по Двине к Витебску, куда на соединение с нею должен был идти и Багратион.

Но сделать это было не так легко, как казалось. Ошибка, сделанная вначале, дала себя почувствовать. Багратион, выступив из окрестностей Волковыска, пытался неоднократно проникнуть на север к Двине, но Даву каждый раз предупреждал его и не давал ему соединиться с Баркклаем.

11 июня 1-я армия прибыла в Витебск, где Барклай-де-Толли надеялся соединиться с Багратионом, который намеревался проникнуть сюда через Могилев.

В это время Наполеон, имея в виду отрезать 1-ю армию от Москвы, также двигался на Витебск и находился в Бешенковичах, в 50 верстах от него.

Положение Барклая становилось весьма затруднительным. Против него двигались двойные силы неприятеля, готовые обрушиться на него и подавить его своим численным превосходством. Принять бой было более чем рискованно. А между тем отступить также было нельзя, так как в это время ничего не слышно было о положении Багратиона, шедшего также к Витебску. Отступление 1-й армии могло оставить его одного на жертву сильному врагу.

Трудную задачу приходилось решать Барклаю. И остановка на месте, и отступление должны были вести к губительным последствиям для наших войск.

Однако русский главнокомандующий вышел с честью из своего критического положения. В ожидании известий о Багратионе, он решил задерживать неприятеля передовыми частями, не вступая в генеральное сражение.

Для этой цели выдвинут был к местечку Островно, в 20 верстах впереди Витебска, 4-й пехотный корпус под командою графа Остермана, усиленный еще несколькими пехотными и кавалерийскими полками.

Утром 13-го июля Мюрат, шедший во главе главных сил Наполеона, подошел к Островно и увидел русские войска, расположенные поперек дороги, ведущей из этого местечка в Витебск.

Масса неприятельской конницы бросилась в атаку на русскую пехоту, но была совершенно расстроена ее метким, спокойным огнем и вынуждена уйти назад. Вслед за тем Остерман двинул часть своих сил в обход неприятельских войск, но обход этот не имел успеха. Неприятельская конница заставила наших вернуться на свою позицию.

Несколько часов уже шел ожесточенный бой с переменным успехом. В это время к неприятелю подошли сильные подкрепления. Силы его превосходили уже вдвое численность наших войск. Но, несмотря на превосходство врага, Остерман решил удерживаться, во что бы то ни стало, до самого вечера. Выиграть время было необходимо. Каждая минута была дорога. Преждевременное приближение французов должно было иметь роковые последствия для нашей 1-й армии.

Видя, что все их атаки не ведут ни к чему, французы выдвинули сильную артиллерию и открыли губительный огонь по нашим войскам. Русские, истекая кровью и изнемогая в неравной борьбе, продолжали тем не менее сопротивляться до последней крайности. Ряды наши страшно редели, но ничто не могло поколебать их мужества и стойкости.

Когда Остерману донесли, что некоторые полки страшно терпят от неприятельской картечи, и спрашивали: — «Что делать?» — он отвечал: — «Ничего не делать: стоять и умирать».

И русские солдаты честно исполнили приказание своего командира и свой долг перед родиной. Целые ряды падали на землю под неприятельскими снарядами, но оставшиеся в живых продолжали стоять и разить врага.

Только на рассвете следующего дня 4-й корпус отошел на 8 верст назад и был сменин 3-й пехотной дивизией, под начальством Коновницына.

Утром 14-го числа Мюрат атаковал войска 3-й пехотной дивизии. Опять загорелся отчаянный бой между нашими храбрцами и превосходными силами неприятеля.

Несколько часов успех колебался то в ту, то в другую сторону. Наконец, не имея возможности держаться долее, Коновницын приказал отступить. Войска наши, в величайшем порядке, отошли на несколько верст назад и, заняв новую позицию, удерживали вдвое сильнейшего врага до 5 часов вечера.

Два дня уже, 13-го и 14-го июля, небольшие арьергарды наши, с редким самоотвержением и мужеством, задерживали массы неприятеля. Однако, уступая непреодолимой силе, они должны были отойти, наконец, почти до самого Витебска.

Теперь Барклаю оставалось только — или принять бой с 80 000 против 150 000, и притом на очень невыгодной для нас позиции; или же покинуть Багратиона на произвол судьбы.

По счастью, Провидению, видимо, угодно было только испытать твердость русских воинов в борьбе за Веру, Царя и Отече-

ство, но не погубить их окончательно. В ночь на 15-е июля прибыл адъютант Багратиона с донесением от князя, что он пытался пробиться к Витебску через Могилев, но потерпел неудачу и теперь продолжает дальнейшее отступление по направлению к Смоленску.

Это известие развязало руки главнокомандующему 1-ю армией. Теперь он мог со спокойным сердцем очистить Витебск и отступить далее для соединения со 2-ю армией.

20 июля 1-я армия прибыла к Смоленску, а 22-го сюда же подошла и 2-я. Наши разрозненные силы наконец соединились, и план Наполеона — отделить их как можно далее друг от друга и разбить каждую армию отдельно — потерпел полное крушение.

Продолжительное отступление наших армий сильно не нравилось всему русскому народу и войску. Общественное мнение громко требовало решительной битвы со врагом. По соединении наших сил под Смоленском Барклай вынужден был уступить этому требованию и решил перейти в наступление против Наполеона, который расположил свои утомленные войска по квартирам между Витебском и Могилевом.

Но едва только наши армии успели сделать каких-нибудь два перехода по направлению к Витебску, как Наполеон, сосредоточив до 180 000 своих войск, быстро переправился через Днепр у Расасны и двинулся вверх по левому берегу реки к Смоленску. Занятие этого города французами отрезало бы наши армии от Москвы и от южных губерний.

На пути, избранном Наполеоном, находилась одна только 27-я русская пехотная дивизия под начальством Неверовского, состоявшая притом на $\frac{2}{3}$ из новобранцев, с небольшим числом кавалерии и 14 орудиями, расположенная у города Красного.

2 августа, в 3 часа пополудни, Мюрат с 15 000 конницы, за которою следовала пехота Нея, подошел к Красному. Неверовский занял позицию за оврагом, позади города. На левом фланге своей дивизии он поставил кавалерию с артиллерией; а один егерский батальон с 2-мя орудиями отправлен был назад и занял другую позицию за речкой, верстах в 15 позади Красного.

Как только русские успели построиться на позиции за оврагом, массы неприятельской конницы налетели на наш левый фланг и принудили нашу кавалерию с артиллерией отступить к Смоленску.

Теперь Неверовскому с одною только пехотой, состоявшей, как мы видели, большею частью из новобранцев, приходилось

отбиваться от превосходной числом неприятельской кавалерии, предводимой лучшим из кавалерийских генералов Наполеона.

Свернувшись в плотную колонну, русские пехотинцы стали медленно отходить по дороге, обрытой по сторонам канавами и обсаженной деревьями. Тучи неприятельской конницы бросились на одинокую дивизию Неверовского, грозя изрубить и растоптать ее под массой коней.

Но не дрогнуло сердце молодых русских солдат при виде этой страшной опасности. Подпустив врага на самое близкое расстояние, они встретили его, по команде своего начальника, дружным залпом. Трупы неприятельских всадников усеяли пространство по сторонам дороги.

«Хорошо, ребята! — вскричал Неверовский по отбитии этой атаки. — Видите, как легко управляться с кавалериею; благодарю, поздравляю вас!» Громкое, дружное: — «Рады стараться!» и «Ура!» — было ответом на похвалу командира.

Но неприятельская конница отхлынула от русской дивизии только с тем, чтобы повторить свой грозный удар. Опять задрожала земля под тысячами конских копыт, и опять раздался дружный залп русской пехоты. И на этот раз неприятель вынужден был броситься назад ни с чем.

Тщетно повторяли французы свои атаки в течение нескольких часов. Начальники их, с храбрейшими из всадников, кидались на нашу колонну, но гибли под русскими штыками и пулями.

К вечеру войска Неверовского подошли к речке, за которою расположился высланный ранее батальон егерей с двумя орудиями. Огонь их остановил дальнейшее преследование французской конницы. Дивизия Неверовского была спасена благодаря отваге и стойкости наших солдат и хладнокровному мужеству их начальника.

Утром 4 августа французы стали подходить к Смоленску. Этот город занят был только одним корпусом Раевского, к которому присоединился Неверовский. Всего у нас здесь было от 13 000 до 15 000 человек. Силы же неприятеля, как мы видели, простирались до 180 000 человек.

По счастью, французы ограничились в этот день только канонадою и частыми атаками, которые были с успехом отбиты Раевским.

Ночью собрались у Смоленска обе наши армии. Несмотря на общее желание вступить в решительный бой с врагом, решено было

отступить, так как силы наши были еще слишком неравны и позиция при Смоленске обладала значительными неудобствами.

Сперва должна была отступить 2-я армия. 1-й же армии приказано было, для облегчения этого отступления, отстаивать Смоленск. Затем и она должна была отступить, под прикрытием арьергарда оставленного 2-ю армией на Московской дороге, верстах в 10-ти к востоку от Смоленска.

Для непосредственной обороны Смоленска, в самом городе, на левом берегу Днепра, оставлен был только 6-й корпус с придачею еще двух пехотных дивизий, всего около 20 000 человек, под начальством генерала Дохтурова. Прочие наши силы оставались на правом берегу реки.

С раннего утра 5 августа французы, сосредоточившие против Смоленска до 140 000 человек, открыли сильную канонаду по городу. Этим и ограничились до трех часов пополудни все действия Наполеона, надеявшегося выманить все наши силы на левый берег Днепра и заставить их принять генеральное сражение, при крайне невыгодных для нас условиях. Видя, однако, что надежды его не оправдываются, Наполеон решил повести атаку против твердынь смоленских.

Атака поведена была с трех сторон. С востока наступали поляки под начальством Понятовского, с запада шел храбрый Ней, с юга, в центре неприятельского расположения, поведена была главная атака корпусом Даву.

Несмотря на отчаянную храбрость неприятеля, все стремления его разбились о твердость стен Смоленска и стойкость наших войск.

Потерпев первую неудачу, французы выдвинули сильную артиллерию и принялись громить стены и самый город; стены Смоленска устояли, но снаряды, перелетавшие через них, зажгли во многих местах городские здания. В 5 часов пополудни Даву снова пошел на штурм. Среди дыма и пламени горящего города, осыпанные градом неприятельских снарядов, наши солдаты смело встретили напор превосходного числом врага. Однако силы их были уже истощены упорным отчаянным боем.

Даву готовился овладеть Малаховскими воротами в южной части города. Но в это время подоспела помощь к русским. Находившийся при главнокомандующем 1-й армией на правом берегу Днепра принц Евгений Виртембергский двинулся с войсками 4-й пехотной дивизии по мосту на другую сторону реки, на выручку защитникам Смоленска.

Взяв под свое непосредственное начальство 4-й егерский полк, принц Евгений бросился в самый пыл свалки, происходившей у Малаховских ворот. Сюда же двинулся с частью своей дивизии Коновницын. Французы были отбиты. Принц Евгений устремился вслед за ними и оттеснил их на некоторое расстояние от городских стен.

Потерпев новую неудачу, неприятель открыл страшный огонь разрывными снарядами по городу. Смоленск пылал со всех концов. В 7 часов вечера французы повели новую атаку и опять были отбиты.

Наступил вечер. Бой затих. Но ужасную картину представлял город, охваченный пламенем. Огненные языки подымались среди мрака высоко к небу. Здания рушились и падали со страшным треском. Жители искали спасения в бегстве. Иные же собирались в храмах Божиих и искали утешения в теплой молитве.

В ночь на 6 августа наши войска очистили город, унося с собою высоко чтимую по всей Русской земле святыню — чудотворную икону Смоленской Божией Матери. Так закончился знаменитый бой под Смоленском, стоивший нам от 6000 до 7000 человек, а неприятелю от 10 000 до 12 000.⁴

Утром 6 августа 2-я армия двинулась по большой Московской дороге, а в ночь на 7-е выступила и 1-я. Движение этой армии совершено было вначале по кружным, лесным проселочным дорогам, выводившим на большую Московскую дорогу.

Отступление 1-й армии произведено было под прикрытием небольшого отряда, под начальством Тучкова, который в течение целого дня удерживал у деревни Лубино напор тройных сил неприятеля пытавшихся отрезать войска Барклая от большой дороги. Сам Тучков, исколотый штыками, попал в плен, но отряд его выполнил возложенную на него задачу и, продержавшись до 9 часов вечера, дал возможность войскам 1-й армии выйти на большую дорогу и отступить беспрепятственно.

Упорный бой под Смоленском не удовлетворил общественного мнения России. Войско и народ настойчиво требовали решительного сражения и готовы были обвинять Барклая-де-Толли в измене русскому делу. Иностранная фамилия главнокомандующего много способствовала распространению среди народа подобного обвинения.

17 августа русский народ и армия обрадованы были назначением нового главнокомандующего, русского по душе и по имени: выбор государя пал на князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова.

Новый главнокомандующий прибыл к армии у Царева-Займища. Однако он не прекратил тотчас же отступление наших войск. Отойдя еще на 70 верст, он занял позицию у села Бородино, в 120 верстах от Москвы, с целью дать здесь решительный отпор врагу.

Позиция у Бородина тянулась от реки Москвы до деревни Утицы, на протяжении 7 верст. Впереди правого фланга протекала речка Колоча, левый же был совершенно открыт. В центре лежала высота, на которой построено было укрепление, названное батареею Раевского; южнее его, у деревни Семеновской, построено было еще 3 небольших укрепления, получивших название Багратионовых флешей. Впереди деревни Семеновской, в расстоянии $1\frac{1}{2}$ — 2 верст, лежит село Шевардино, у которого построен был отдельный редут.

Бородинская позиция занята была таким образом, что правый фланг и центр составляли войска 1-й армии, а левый фланг — 2-я армия. Для обороны Шевардинского редута оставлено было у него 10–12 тысяч человек. Всего же в русской армии числилось 103 000 регулярных войск, силы неприятеля простирались до 130 000.

24 августа французы в числе 35 000 человек атаковали Шевардинский редут и после упорного боя, во время которого укрепление несколько раз переходило из рук в руки, овладели им окончательно.

25 августа прошло с обеих сторон в приготовлениях к решительной битве. В то время как Наполеон возбуждал бодрость духа своих солдат надеждою на богатую добычу, удобные квартиры и блестящую славу, русские воины укрепляли себя теплою молитвою к Тому, Который, в минуты тяжких испытаний, неоднократно избавлял могучею десницею Своею отечество наше от грозной опасности.

По распоряжению Кутузова, следовавшая при наших армиях чудотворная икона Смоленской Божией Матери пронесена была вдоль линии войск. Умилительную картину представляло шествие святой иконы вдоль рядов благочестивых воинов наших. Был прекрасный теплый летний день. Духовенство, в дорогом облачении, сопровождало святыню; кадила дымились, теплились свечи; десятки тысяч людей падали на колени и горячо молились.

С 6 часов утра 26 августа французы открыли страшный огонь из 100 орудий по нашей позиции. Вслед за тем войска их двинулись в атаку на наш центр и левый фланг. Корпус Даву атаковал

Багратионовы флешы, и неприятель уже ворвался было в наши укрепления; но прибытие самого Багратиона с войсками 27-й пехотной дивизии заставило французов очистить их. Наша кавалерия ударила на неприятеля и принудила его отступить, с большим уроном.

В то же время вице-король итальянский⁵ двинулся против села Бородино, занятого нашими гвардейскими егерями. После упорного боя егеря вынуждены были уйти за Колочу; неприятель попытался перейти вслед за нами, но потерпел неудачу: русские отбили его и уничтожили мост через реку.

Таким образом, обе первые атаки французов не имели успеха. Тогда Наполеон решил повторить их с большими силами. Два корпуса — Даву и Нея — направлены были против Багратионовых флешей. С нашей стороны здесь находились только 6 батальонов сводно-гренадерской дивизии графа Воронцова и за ними 27-я дивизия. Видя опасное положение этих войск, Багратион послал за подкреплениями к Барклаю и командиру 3-го пехотного корпуса Тучкову. Но подкрепления эти не могли подойти ранее $1\frac{1}{2}$ — 2 часов, а неприятель был уже близко.

Наступление французов встречено было нашими войсками страшным пушечным и ружейным огнем. Огонь не остановил противника, и войска его, как грозная туча, продолжали двигаться вперед. Вот массы неприятеля достигли уже укреплений. Впятеро слабейшие числом, наши войска встретили его грудью. Закипела отчаянная рукопашная схватка. Ряды наши редели, но не отступали. Сам Воронцов, проколотый штыком, взят был в плен. Гренадеры его свято исполнили свой долг перед родиной: вся его дивизия была буквально уничтожена. Неприятель овладел укреплениями.

Скоро подоспела 27-я пехотная дивизия, а за нею посланная Тучковым дивизия Коновницына. Запылал новый ожесточенный бой. Дважды укрепления переходили из рук в руки. В это время пал главный защитник их, храбрый Багратион, и истощенные войска наши, потеряв своего начальника, очистили окончательно укрепление и отошли за овраг у деревни Семеновской.

Овладев укреплениями, французы пытались сбить наши войска, расположившиеся за оврагом. Кавалерия Мюрата в числе нескольких тысяч коней ринулась на страшно поредевшие ряды русских. Удар неприятельской конницы направлен был на наши гвардейские полки: Измайловский и Литовский. В грозном молчании подпустили русские гвардейцы врага на самое близкое

расстояние. Вдруг ряды их сверкнули тысячью ружейных выстрелов. Множество неприятельских трупов усеяли поле битвы. Грозные кирасиры Наполеона, которых он сам называл железными, рассеялись в беспорядке во все стороны. Получив сильные подкрепления, неприятельская конница несколько раз повторяла свои атаки — но каждый раз исход был тот же, что и в первый раз.

Однако упорный бой, во время которого к неприятелю постоянно подходили все новые подкрепления, окончательно истощил силы наших войск. Около 11 часов они отошли на расстояние пушечного выстрела от оврага. Французы заняли Семеновскую и открыли сильный пушечный огонь во фланг нашим войскам, дравшимся в центре у батареи Раевского.

Вице-король, после неудачной попытки переправиться через Колочу у Бородина, перешел эту речку несколько выше и двинул свой корпус в атаку против батареи Раевского. С нашей стороны здесь находилось только 8 батальонов. Тем не менее, атака неприятеля была отбита.

После этой неудачи неприятель открыл страшный огонь по нашей батарее и снова двинулся в атаку. У нас уже не доставало зарядов, и наша артиллерия должна была ослабить огонь в самую решительную минуту. Благодаря этому обстоятельству французам удалось овладеть батареею Раевского и таким образом прорвать центр русской армии.

Но вскоре эта опасность устранена была решительностью начальника штаба 1-й армии, Ермолова. Заметив успех неприятеля в нашем центре, он схватил первые попавшиеся ему под руку войска и стремительно бросился на потерянную нами батарею. В несколько минут укрепление было взято обратно, и все поле вокруг него усеяно вражескими трупами.

В первом часу пополудни Наполеон решил произвести окончательную атаку на батарею Раевского, сосредоточив для этой цели громадные силы, которые неминуемо должны были подавить изнуренных защитников ее. В это время произошел, однако, неожиданный случай, остановивший атаку неприятеля. Несколько казачьих полков, под командою своего лихого атамана Платова, перешли Колочу и, обойдя левый фланг французской армии, напали на обозы и нестроевых в тылу ее.

Неожиданное появление нашей кавалерии в тылу неприятеля произвело сильный переполох в рядах его войск. Хотя спокойствие и порядок и были скоро восстановлены, но решитель-

ная атака замедлилась на целых два часа, и мы успели поддержать защитников батареи Раевского. Однако подкрепления эти не дали возможности отразить нападение неприятеля. Они сделали только бой более упорным и кровопролитным.

В 2 часа французы повели решительную атаку. Что произошло теперь в нашем центре, не поддается никакому описанию. Гул сотен орудий, непрерывная ружейная трескотня, крики сражавшихся, стоны раненых — все это слилось в какой-то адский концерт. Среди непроницаемых облаков пыли и порохового дыма смешалась конница и пехота, наша и неприятельская. Наконец, русские под давлением превосходных сил врага, вынуждены были окончательно оставить укрепление в центре своей позиции.

В 6 часов вечера бой прекратился. Наши войска очистили занимаемую ими позицию, но отошли всего на каких-нибудь $1\frac{1}{2}$ — 2 версты и готовы были снова преградить неприятелю дальнейший путь в сердце России.

Потери с обеих сторон были громадны и простирались как у нас, так и у французов, до 40 000 человек с каждой стороны. Несмотря на желание русских войск продолжать бой с врагом, Кутузов, ввиду страшных потерь, не желал рисковать последними силами нашими и решил отступить к Москве.

Так кончился знаменитый Бородинский бой. Несмотря на большой перевес в силах на стороне неприятеля и на страшные жертвы, принесенные обеими сторонами, результаты, достигнутые Наполеоном, были ничтожны. Здесь он ясно увидел, что такое представляет русское воинство, защищающее родную землю, и понял всю разницу между нравственною силою народа русского и народов западной Европы, в борьбе с которыми он привык к быстрым и решительным успехам.

Отечественная война 1812 года. От Москвы до Немана

1 сентября русская армия достигла окрестностей Москвы. Здесь, в подмосковной деревне Фили собран был 2 сентября военный совет, на котором решили пожертвовать первопрестольной столицей для спасения России.

Вопрос состоял в том, что после Бородинского сражения численное отношение войск обеих сторон изменилось не в нашу пользу. До боя у нас было 103 000⁶, у Наполеона до 130 000 человек⁷. После же боя обе стороны потеряли, каждая, до 40 000 че-

ловек⁸. Следовательно, у нас оставалось до 60 000, а у Наполеона — не менее 90 000 человек, т. е. на целую треть больше. При таких условиях давать новый бой под Москвою было для нас очень рискованно. Защищать же самый город, обширный и, кроме Кремля, не приспособленный к обороне — значило дать Наполеону полную возможность ворваться в город в одном каком-либо пункте и овладеть нашею столицею, сосредоточив все свои дальнейшие усилия на Кремле, где наша армия была бы отрезана от всякого сношения со странюю. Скученная и лишенная продовольствия, она была бы вынуждена искать спасения в отчаянной вылазке, с целью пробиться из Москвы и прорвать линию неприятельских окопов, которыми Наполеон, конечно, не преминул бы обнести Кремль и главные выходы из Москвы.

Кутузов зрело сообразил все эти обстоятельства и, вопреки мнению военного совета, взял всю ответственность на себя, приказав оставить Москву без боя. У него при этом был еще и другой верный расчет. Он видел, с какою страшною быстротою, можно сказать, таяла французская армия. Из 600 000 перешедших границу, в два с половиною месяца Наполеон привел к Москве всего до 90 000 человек. Ясно, что французы не выносили трудностей походов, потому что в боях они не потеряли и шестой доли своей первоначальной численности.

К тому же Кутузов знал, что у французов нет запасов продовольствия; в Москве имевшиеся запасы можно было бы взять для своей армии, а остальное уничтожить. Затем наступала русская зима, а французы не имели теплой одежды и поэтому, не привычные к холоду, должны были страшно страдать или искать себе выхода из Москвы, сильно ослабленные и изнуренные. Правильность всех этих соображений блистательно доказали последствия.

3 сентября войска наши, пройдя через город, потянулись по Рязанской дороге, а в то же время французы вступили в него через Дорогомиловскую заставу.

Сделав два перехода по Рязанской дороге, Кутузов свернул к западу, и 20 сентября все силы его расположились на позиции у Тарутина, в 60 верстах к юго-западу от Москвы. Это расположение преграждало неприятелю путь в наши хлеботорные южные губернии с их богатыми запасами всякого рода — в случае, если бы он вздумал воспользоваться их средствами, — и в то же время угрожало его сообщениям по Смоленской дороге.

Большие надежды возлагал Наполеон на занятие древней столицы России. Он рассчитывал, что его изнуренные и голодные

солдаты найдут в ней спокойные, удобные квартиры и обильные запасы продовольствия и что русские наконец согласятся заключить мир на выгодных для него условиях.

Но горькое разочарование ожидало всемирного завоевателя. Холодно и неприветливо встретила его Москва. Не вышли к нему навстречу с хлебом-солью ее граждане, как он того ожидал. Весь город как будто вымер. Пустынные улицы его наводили тоску и заключали в себе что-то злое.

В самый день вступления неприятеля в разных частях столицы вспыхнули пожары, а 3 и 4 сентября пламя охватило большую часть ее. Жители сами зажигали свои дома, не желая предоставить их в добычу врагу. В три-четыре дня $\frac{9}{10}$ города обращены были в груды пепла и развалин.

Известие о занятии Москвы не поколебало решимости русского царя, выраженной им еще при самом начале войны следующими словами: «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем». Среди всего русского народа оно вызвало единодушный взрыв негодования и готовность пожертвовать жизнью и имуществом для изгнания врага, посягнувшего на захват священной для него первопрестольной столицы.

В течение целого месяца, до первых чисел октября, русская армия не предпринимала ничего против неприятеля. Это время употреблено было на укомплектование ее и устройство материальной части. Но, тем не менее, жутко приходилось в Москве неприятелю от наших партизанов и отрядов вооруженных жителей.

Первое начало партизанским действиям положил подполковник Ахтырского гусарского полка, Давыдов. Вскоре после Бородинского сражения он, с отрядом из 50 гусар и 80 казаков, появился в тылу французской армии на Смоленской дороге и захватил неприятельский транспорт и 100 человек пленных.

Пример Давыдова нашел много последователей. В период занятия неприятелем Москвы отряды наших партизанов охватили со всех сторон почти непрерывным кольцом армию Наполеона. Они перехватывали неприятельские транспорты, забирали фуражиров, курьеров и т. п., нападали на небольшие отдельные отряды и разбивали их.

Особенную славу заслужил среди предводителей партизанских отрядов капитан Фигнер. Смелость и решительность его доходили часто до невероятной дерзости. Неоднократно проникал

он, переодетый во французский мундир, на биваки и в лагерь неприятеля, вступал в разговоры с неприятельскими солдатами и офицерами; выведав от них, что ему было нужно, он возвращался к своим и, тотчас же, неожиданно напал на врага.

Рядом с действиями партизанов, отличались и отряды вооруженных жителей. С самого вступления неприятеля в пределы Смоленской губернии, где уже начиналась коренная русская земля, вспыхнула в ней ожесточенная народная война. Крестьяне и мещане вооружились чем попало и били врага где могли. Помещики и чиновники брали на себя предводительство над отрядами вооруженных жителей, причем некоторые из них мученической смертью запечатлели свою верность Престолу и Отечеству.

Таковы были помещики: подполковник Энгельгардт и коллежский асессор Шубин. Схваченные по обвинению в истреблении большого числа французских солдат, они приговорены были к расстрелянию. Прежде чем совершить смертную казнь над Энгельгардтом, французы предложили ему перейти к ним на службу. Энгельгардт с негодованием отвергнул такое предложение. Сорвав платок, которым хотели завязать ему глаза, он обратился к прицеливавшимся в него солдатам и вскричал: «Стреляйте!» Смерть от вражеской пули была ответом на его отказ. То же самое повторилось, несколько дней спустя, с Шубиным.

Со вступлением Наполеона в Московскую губернию жители ее последовали примеру смолян и принялись беспощадно истреблять врагов, где только было возможно.

Народная война и энергическая деятельность партизанов сделали скоро положение французов в Москве невыносимым. Столица была сожжена, ближайшие ее окрестности опустошены. Отряды, удалявшиеся на более значительное расстояние для добывания продовольствия и фуража, подвергались постоянным нападениям и часто погибали до последнего человека.

Лишенные в Москве продовольствия, французы вынуждены были есть ворон, кошек, павших лошадей и т. п. Последствием такой пищи было страшное развитие в их войсках болезненности и смертности. Лошади от недостатка фуража падали каждый день сотнями.

Несмотря на такое бедственное положение своей армии, Наполеон простоял в Москве 5 недель, все еще надеясь на мир. Но скоро военные действия, начатые нашей армией, расположенной у Тарутина, лишили его этой надежды. Приходилось подумать об отступлении из России.

6 октября наши войска атаковали 20-тысячный авангард Мюрата, расположенный на реке Чернишне, к северу от Тарутина. Неприятель потерпел полное поражение. Трофеями нашей победы было 1500 пленных и 38 орудий.

Поражение Мюрата побудило Наполеона спешить отступлением, и 6-го же числа вечером началось выступление французских войск из Москвы.

План Наполеона заключался в том, чтобы двинуться на Калугу, заставить армию Кутузова уйти как возможно далее к югу и, затем, вернувшись на Смоленскую дорогу, продолжать беспрепятственно отступление к западу по тому же пути, по которому совершенно было наступление «Великой Армии» к Москве.

Между тем император Александр составил с своей стороны план окончательного уничтожения всех сил неприятеля. В то время как Кутузов должен был теснить французов с тыла, адмиралу Чичагову, находившемуся на Волыни с войсками, вернувшимися из турецкого похода, приказано было двинуться через Минск к реке Березине и преградить неприятелю дальнейшее отступление, помешав его переправе через эту реку. Чичагову должен был содействовать Витгенштейн, оперировавший до того против французских корпусов Сен-Сира и Удино на среднем течении Двины.

11 октября передовые войска неприятеля дошли до города Малоярославца на новой Калужской дороге и заняли его. Но здесь и окончилось их дальнейшее наступление к югу.

На следующий день, рано утром, подошел к Малоярославцу генерал Дохтуров, за которым следовала вся армия Кутузова. Дохтуров немедленно атаковал неприятеля и выбил из города. Получив подкрепления, французы потеснили наших. Дохтуров повторил с своей стороны атаку и прогнал противника.

Целый день продолжался упорный бой за обладание Малоярославцем. Русские и французы дрались с ожесточением, врукопашную в тесных улицах города. Восемь раз переходил он из рук в руки и, наконец, к вечеру остался окончательно в руках неприятеля.

С каким упорством дрались в этот день обе стороны, доказывают громадные относительно потери, понесенные ими. Из 24 000 человек, принимавших участие в бою, как у нас, так и у неприятеля, выбыло из строя убитыми и ранеными до 6000 человек, или четверть всего состава.

Овладение Малоярославцем не принесло французам никакой пользы. Вечером, к концу боя, все войска Кутузова собрались к

югу от города и преградили неприятелю дальнейшее наступление к Калуге.

Теперь Наполеону оставалось только вернуться на Смоленскую дорогу и продолжать дальнейшее отступление, под давлением всех сил русской армии, преследовавшей его с тыла и флангов. 16 октября войска его вышли на эту дорогу в Можайске и двинулись затем далее на запад.

С этого времени начинается расстройство знаменитой «Великой Армии». Русские неотступно следовали за нею и били врага, при всяком удобном случае. Главные силы Кутузова двигались параллельно пути отступления неприятеля и действовали против него с фланга; казаки Платова преследовали его по пятам с тыла. Наконец, отряды партизанов и вооруженных жителей окружали французскую армию со всех сторон и наносили ей страшный ущерб.

К этому присоединились еще голод и холод, окончательно обессилившие солдат Наполеона, изнуренных усиленными переходами и постоянным ожиданием нападения русских, не дававших им покоя ни днем, ни ночью.

Ослабевшие от голода и усиленных маршей, солдаты толпами оставляли знамена и, бросив оружие, бродили по деревням, лежавшим вдоль Смоленской дороги, ища спасение от голодной смерти. Многие без всякого сопротивления сдавались в плен русским, лишь бы положить конец своим страданиям. Дисциплина в великой армии страшно расшаталась, и люди плохо слушались своих офицеров. Но все это было только началом дальнейших бедствий.

22 октября авангард Милорадовича с казаками Платова и отрядами партизанов настиг у Вязьмы неприятельские корпуса Даву, вице-короля и Понятовского. После боя, продолжавшегося от рассвета до 6 час. вечера, французы отступили, потеряв 4000 человек убитыми и ранеными и 3000 пленными.

Через неделю после боя под Вязьмою, французская армия достигла Смоленска, где устроены были заблаговременно значительные склады различного рода запасов. Здесь изнуренные солдаты ее надеялись отдохнуть, широко воспользоваться продовольственными запасами и восстановить свои истощенные силы.

Но этой надежде не суждено было сбыться. Приближение русских заставило Наполеона очистить Смоленск и продолжать безостановочно свое безнадежное отступление по опустошенной дороге.

Вскоре по выступлении из Смоленска неприятельская армия подверглась целому ряду тяжелых ударов со стороны преследующих ее русских. В течение четырех дней, с 3 по 6 ноября включительно, отдельным корпусам ее пришлось выдерживать упорные столкновения с русскими войсками у города Красного, стоившие неприятелю 20 000 человек пленными, 6000 убитыми и ранеными и 116 орудий. Мы потеряли всего 2000 человек убитыми и ранеными.

10 ноября страшно расстроенная французская армия добралась до села Толочина, в расстоянии четырех переходов от Березины. В Толочине Наполеон узнал, что войска Чичагова заняли предмостное укрепление у Борисова и таким образом преградили ему дальнейшее отступление.

Положение Наполеона было безвыходное. В армии его находилось под ружьем способных к бою и не потерявших еще военной организации и порядка не более 36 000 человек. Остальные люди, в таком же числе, представляли из себя беспорядочную, безоружную и голодную, оборванную толпу, еле тащившуюся в хвосте армии и только стеснявшую ее движение и действия.

Между тем, на прямом пути отступления неприятеля находилось 32 000 русских войск под командою Чичагова. С севера подходили 30 000 человек Витгенштейна. Наконец, в тылу следовал Кутузов с 50 000 человек.

Однако, император французов не растерялся в столь тяжелом положении и решил употребить в дело всю свою энергию и силу ума, чтобы спасти остатки своей армии от окончательной гибели.

Цель Наполеона была достигнута лишь наполовину. Французской армии удалось переправиться через Березину, но, тем не менее, окончательное уничтожение ожидало ее на другом берегу реки.

Маршал Удино, двигавшийся в голове неприятельской армии, опрокинув у Лошницы авангард Чичагова, занял 11-го ноября Борисов. Вслед за тем, искусными демонстрациями, он отвлек главные силы Чичагова на целый переход к югу от этого города с тем, чтобы дать возможность главным силам Наполеона беспрепятственно перебраться через Березину на избранном для их переправы пункте, у деревни Студянки, верстах в 18 к северу от Борисова. С нашей стороны против Студянки, на правом берегу реки, находился лишь слабый отряд полковника Корнилова, из 4-х батальонов и 12 орудий.

Рано утром, 14 ноября, французы приступили к наводке двух мостов. Корнилов попытался было помешать неприятелю — но, встреченный с левого берега Березины огнем 40 орудий, должен был отказаться от своего намерения, а вслед за тем значительные массы французов, переправившихся по наведенным мостам, заставили его отступить к югу.

Весь день 15-го числа неприятель продолжал беспрепятственно переправляться через реку, и только 16 ноября Чичагов и Витгенштейн, подошедшие к месту переправы, решили атаковать французов на обоих берегах реки.

Закипел упорный бой, продолжавшийся с утра до позднего вечера. Неприятельские войска, чувствовавшие свое отчаянное положение, дрались с ожесточением. Урон их был громаден. Особенно пострадали войска Виктора, остававшиеся на левом берегу реки, которым пришлось совершать переправу под натиском русских. Огонь нашей артиллерии заставил их кинуться в беспорядке к мостам. Обоз, артиллерия, конница, пехота — все смешалось в нестройную толпу, в которой каждый помышлял лишь о личном спасении. Множество людей падало с мостов в воду, многие старались спастись вплавь, между несущимися по реке льдинами, — и те и другие находили смерть в холодных волнах Березины.

В ночь на 17-е число жалкие остатки великой армии потянулись по дороге к Вильне. Из 36 000 человек, сражавшихся у Студянки, спаслось только 9000; за ними тянулись еще тысячи безоружных людей.

С этого времени отступление французов превратилось в полное бегство. Усталость, голод и морозы свыше 20° довершили гибель армии, потерявшей после боя у Студянки последние следы военной организации. Вся дорога, до самой Вильны, усеяна была замерзшими трупами людей и лошадей, орудиями, повозками, нагруженными всяким добром, награбленным в России. По сторонам ее бродили, как тени, толпы голодных, оборванных людей, тщетно кутавшихся от жестокой стужи в жалкие лохмотья, рогожи, иногда в священнические ризы и т. п. Сам Наполеон, видя, что все пропало, бросил свою армию и отправился в Париж, чтобы формировать новые силы. Проклятия десятков тысяч людей сыпались вслед знаменитому завоевателю. «Он бежит, как бежал из Египта; он оставляет, предав нас гибели!» — говорили солдаты.

В то же время и вся Европа узнала о гибели полчищ Наполеона. До сих пор он тщательно скрывал истинное положение дел,

но перед отъездом из армии, в последнем бюллетене «Великой армии», вынужден был официально сознаться перед всем миром в понесенном им полном поражении.

* * *

Некоторые военные критики ставят Кутузову в упрек, почему он недостаточно энергично преследовал своею главною армией остатки французских сил и не взял в плен всю армию Наполеона на Березине. Но упрек этот несправедлив. Кутузов проницательностью своею видел, что жалкие остатки великой Наполеоновской армии сами собою исчезнут в бедствиях похода. Поставленные в безвыходное положение при Березине, эти остатки, сознавая свою неминуемую гибель, дорого отдали бы свою жизнь. Пришлось бы и нам, без всякой пользы, понести большие потери, тогда как нам было выгодно щадить каждого солдата, оставшегося в живых, после целого ряда геройских битв. Каждый такой солдат стоил десяти новобранцев. Из этой армии должны были выделяться кадры для образования новых боевых частей, в видах возможности продолжения борьбы. К тому же, что пришлось бы делать с этими тысячами новых пленных, которых пришлось бы кормить и отделять для их конвоирования целые части войск?

28 ноября наши войска заняли Вильну, наполненную тысячами больных неприятелей. В первых числах декабря последние остатки французской армии в числе 1000 человек вооруженных и 20 000 безоружных перешли русскую границу. Это было все, что уцелело еще из 600 000 человек, перешедших Неман в июне месяце.

Так кончилось одно из величайших во всемирной истории военных предприятий, разбившееся о непоколебимую стойкость русского народа, о его беспредельную преданность и любовь к Престолу и родине. Тяжкая година посланного Провидением испытания, вынесенная с такою твердостью нашими дедами и отцами, красноречиво свидетельствует о великой духовной мощи, о необычайной жизненной силе нашего народа и всего государственного строя. И эта сила служит лучшим ручательством за его блестящую будущность и за выполнение великой исторической роли, которую предназначено играть России в судьбах народов мира.

Примечания

¹ Кроме того, австрийцы потеряли около 6 тысяч человек убитыми и ранеными, а также порядка 50 орудий. Потери французской стороны по официальным данным составили одно знамя и 8818 человек, в том числе 1305 убитыми и 573 пленными. Даже если доверять этим цифрам, следует учесть высокую смертность раненых в те времена. В целом приведенные в публикуемой работе цифры потерь сторон не сильно расходятся с данными из современных источников.

² По другим источникам гарнизон Свеаборга составил 7–8 тысяч человек при общей численности находящихся на довольствии в 9605 «ртов». Из двух тысяч действительно имевшихся в крепости орудий боеспособными числились 734, и даже для них не хватало пороха. В то же время русский осадный корпус графа Каменского насчитывал всего 3–4 тысячи человек — то есть был в два раза слабее осажденных шведов. Обычно принято считать, что сдача сильного гарнизона Свеаборга стала следствием подкупа коменданта крепости, адмирала Кронстеда, который впоследствии был осужден в Швеции как изменник. Однако исследования М. Бородкина и П. Ниве указывают, что выплаченные Кронстеду 100 000 рейхсталеров являлись компенсацией за долги шведской воинской казны частным поставщикам, выплаченным Кронстедом из своих денег, и в таком качестве были официально внесены в соглашение о капитуляции. С другой стороны, П. Ниве отмечает, что порядка половины этой суммы было доплачено Кронстеду впоследствии. Очевидно, изначально она пошла на подкуп офицеров гарнизона крепости — многие из которых были финнами и в свое время являлись сторонниками так называемой «конфедерации Аньяла», планировавшей присоединение Финляндии к России.

³ На самом деле эту войну начала Россия вторжением в турецкие владения за Днестром. Подробнее о Турецкой кампании 1806–1812 годов см. Приложение II.

⁴ Потери русских войск под Смоленском составили 7,5 тысяч человек убитыми и ранеными, из них 1,5 тысячи потеряла дивизия Неверовского. Однако в госпиталях города погибло большое число находившихся здесь солдат, раненых в предшествующих боях, поэтому общей цифрой потерь обычно называется 10 тысяч. Потери французской армии по минимальной оценке (главный хирург армии Доминик Ларрей) — 1200 убитых и 6000 раненых; эту цифру повторяют Лависс и Рамбо в «Истории XIX века», одновременно увеличивая русские потери до 12–13 тысяч — последняя цифра взята из хвастливых писем Наполеона герцогу Бассано и Жозефине Богарне (*«Я взял этот город у русских, перебив у них 3 тысячи человек и причинив урон ранеными в три раза больше»*). По максимальной оценке (инспектор штаба маршала Бертье барон Антуан Денье) потери французов составили 12 тысяч человек. Некоторые источники со ссылкой на Клаузевица поднимают последнюю цифру до

20 тысяч — однако это общая убыль «Великой Армии» от Смоленска до Бородина, включающая потери в мелких стычках и небоевые.

⁵ Имеется в виду дивизионный генерал Евгений Богарне (1781–1824), пасынок Наполеона, при Бородине командовавший 4-м корпусом «Великой Армии».

⁶ Эта цифра учитывает 72 000 пехоты, 17 000 кавалерии и 14 000 артиллерии с 640 орудиями. В нее не вошли иррегулярные силы — 7 тысяч казаков и около 10 тысяч ополченцев (7 тысяч Московского и 3 тысячи Смоленского), подошедших к армии перед самым Бородинским сражением. Однако последние в бою участия не принимали, используя почти исключительно на инженерных работах. Впрочем, генерал Толь уменьшает численность регулярных войск до 95 тысяч, а академик Тарле — увеличивает до 111 тысяч. Последняя цифра взята из работы генерала Богдановича — см. Приложение III. Очевидно, что данные Толя не учитывают 15 тысяч подкреплений под командованием Милорадовича, прибывших из Калуги и присоединившихся к армии 20 августа (1 сентября нового стиля) за Гжатском, у села Ивашкова. С этими подкреплениями общая численность армии Кутузова перед сражением составит 118 тысяч + 10 тысяч ополчения. Заметим, что некоторые историки последнего времени приписывают к указанной численности русских войск еще до 30 тысяч (!) ополчения — доводя их общую численность до 150–160 тысяч. Сам Наполеон после сражения оценивал русские войска в 120 тысяч, а позднее — уже в 170 тысяч.

⁷ Эта цифра вполне совпадает с результатами современных исследований. Согласно результатам переключки войск в Гжатске 2 сентября (21 августа по старому стилю) в регулярных силах армии Наполеона насчитывалось 122 023 человека (84,5 тысячи в пехоте, 21 667 в кавалерии и 15 852 в артиллерии и артиллерийских обозах), а также 553 орудия, не считая эскорта Главной квартиры (500 пехотинцев и около 800 кавалеристов). За следующие пять дней к ней присоединились около 6,5 тысяч человек кавалерии и конной артиллерии (64 орудия) и примерно столько же войск, ранее откомандированных от своих частей. Однако часть солдат отстала или была потеряна в мелких стычках, а еще тысяча человек была оставлена в Гжатске в качестве гарнизона. Таким образом, численность Великой Армии перед началом Бородинского сражения (включая сюда штурм Шевардинского редута) составляла от 130 до 135 тысяч человек.

⁸ Оценить потери сторон гораздо сложнее — что, впрочем, касается практически всех битв того времени. А. И. Михайловский-Данилевский оценил общие потери русских войск в 57–58 тысяч убитыми и ранеными, а также тысячу пленными. Другие исследователи обращают внимание, что эти цифры учитывают отставшие на отходе части 1-й армии, присоединившиеся к своим позднее, а по 2-й армии вообще даны ориентировочно. Большинство популярных и справочных источников (в частности, «Британника») дают «усредненную» цифру в 45 000 человек.

С другой стороны, в разное время на основе независимого изучения первичных документов три исследователя — С. Михеев (1911), Б. Кац (1941) и С. Шведов (1987) пришли к цифре в 42 тысячи. Наиболее подробным исследованием проблемы потерь в Бородинском сражении на сегодняшний день можно назвать работу заместителя директора музея «Бородинская панорама» С.В. Львова, который с разбивкой на корпуса, виды потерь и воинские чины дает следующие цифры потерь регулярной армии (без учета ополчения) за 24–26 августа старого стиля: 39 312 человек, из них 19 469 убитыми и пропавшими без вести. Следует также заметить, что встречающиеся иногда утверждения о возможно высоких потерях у ополчения нельзя считать серьезными: низкая боеспособность ополчения была хорошо известна, и командиры старались использовать его на вспомогательных работах, не пуская в бой.

Потери французских войск обычно оцениваются в 30 тысяч человек, эта цифра основана на опубликованных в 1842 году данных упомянутого выше барона Денье — 6650 убитых и 21 450 раненых. Все иные данные, приводимые участниками сражения с французской стороны, гораздо ниже — за исключением заявления генерала Сегюра, который уже после реставрации Бурбонов заявил, что французы при Бородине потеряли 40 тысяч человек убитыми и ранеными. Очевидно, именно эта цифра и была использована авторами публикуемой работы. Однако необходимо сказать и о другой цифре, попавшей даже в школьные учебники — 58,5 тысяч человек. Эти данные основаны на утверждениях швейцарского авантюриста Шмидта, фантастические показания которого были опубликованы графом Ростопчиным под видом трофейных документов.

Для полноты картины следует привести еще одну цифру — изменение численности «Великой армии» в промежутке между переключкой в Гжатске и подсчетом войск, проведенные в Москве 20 сентября (8 сентября по старому стилю). За это время к Наполеону присоединилось две пехотных дивизии и четыре маршевых кавалерийских полка (порядка 11 тысяч пехоты и 2 тысячи кавалерии) — однако численность его армии на 20 сентября составила всего 95 775 тысяч человек плюс 5700 человек в 8-м корпусе. Таким образом, общая убыль во французской армии за 18 дней составила не менее 46 тысяч человек!

Наконец, следует помнить об ужасающей смертности среди раненых в то время — особенно после крупных сражений, когда для адекватной медицинской помощи просто не хватало лекарей. Так за десять дней, прошедших после сражения, в Колоцком монастыре, где расположился главный госпиталь французской армии, умерло три четверти всех раненых. Современные французские источники оценивают смертность раненых после Бородинского сражения в две трети — таким образом, из 30 тысяч общих потерь на безвозвратные приходится 20 тысяч.